

лишь косвенным образом связанных с языкознанием, как, например, работы А. В. Гладкого (№ 1529—1531).

Представляется весьма полезной установка авторов Указателя на объединение работ по принципам единства метода исследования и теоретических аспектов рассматриваемых работ. Правда, в некоторых случаях метод исследования понимается слишком широко. Так, например, автоматический перевод, информационный поиск, автоматические словари вошли в подразделы раздела «Моделирование» (подчиненного «Методам...»), хотя эти проблемы (и соответствующие исследования) утвердились в науке и практике уже в рассматриваемый период не только как методология, но и как сумма результатов, опыта и перспектив новых методов. Видимо, это могло бы найти какое-то отражение в рубрикации Указателя.

Составителями Указателя проделана большая работа по изучению материалов, помещенных в нелингвистических изданиях, что является несомненным достоинством рецензируемого труда.

В качестве положительной стороны книги, значительно облегчающей поиск

нужного материала, особенно по узкой тематике, следует отметить, и «Предметный указатель» (включающий и рубрику «Personalia»), которого не было в ОЯ и СиПЯ.

Наконец, следует отметить и весьма удачное (за редким исключением) аннотирование, в котором раскрывается содержание работы и объясняется материал исследования: в частности, указывается язык или область изучения, уточняются малоинформативные заголовки. Следует отметить и отдельные случаи отсутствия аннотаций там, где они представляются уместными (№ 265, 495, 2897, 2916).

Все эти замечания, касающиеся лишь единичных недочетов в труде, охватившем многотысячный перечень названий, разумеется, ни в коей мере не умаляют огромной и чрезвычайно нужной работы составителей и редакторов ОиПЯ, подготовивших Указатель, который безусловно станет настоящим справочником каждого языковеда.

Н. А. Слюсарева, Ю. Н. Марчук

«О. Н. Бётлингк и его труд „О языке якутов“» (Материалы конференции, посвященной 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бётлингка «О языке якутов»). ИЯЛИ Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. — Якутск, 1973. 237 стр.

Рецензируемый сборник, изданный Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР фотоофсетным способом, примыкает к «Тюркологическим сборникам», выпускаемым Институтом востоковедения АН СССР на базе материалов тюркологических конференций в Ленинграде¹, и продолжает разработку истории отечественной тюркской филологии, которая усилиями советских ученых и особенно А. Н. Кононова не только оживилась в

последние десятилетия, но и приобрела статус самостоятельной дисциплины².

На этот раз внимание тюркологов привлекла одна из могучих фигур отечественной компаративистики, до сих пор поражающая разносторонностью своих интересов, энциклопедичностью, глубиной и интенсивностью научных разработок в санскритологии, тюркологии, а отчасти и в русистике³. Восточными языками О. Н. Бётлингк стал заниматься в Санкт-петербургском университете, куда он поступил в 1833 г. и где изучал преимуще-

¹ См.: «Тюркологический сборник, 1971» (М., 1972) и «Тюркологический сборник. 1972» (М., 1973), освещающие научно-исследовательскую деятельность соответственно В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского. Эстафету в освещении истории отечественного тюркского языкознания (и шире — тюркологии) принял журнал «Советская тюркология»: место для статьи по этой тематике нашлось уже в самом первом номере журнала (1970, 1; см. также 1971, 1, 2). Начиная с № 4 за 1971 г. структура журнала обогатилась специальным отделом «История отечественной тюркологии» (см.: 1971, 5; 1972, 2, 4; 1973, 3, 4, 5; 1974, 1); с № 3 за 1971 г. заведен также отдел «Публикации».

² См.: А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Докладский период, Л., 1972; «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Докладский период» (в печати). Библиографию трудов ученого в этой области см. в нашей рецензии на указанную книгу А. Н. Кононова («Народы Азии и Африки», 1973, 3).

³ О значении трудов О. Н. Бётлингка в отечественном языкознании и мировой компаративистике см.: С. К. Булич, Памяти О. Н. ф. Бётлингка, СПб., 1904; Э. А. Макаев, Н. З. Гаджиева, Сравнительное языковедение в истории Академии наук, ВЯ, 1974, 5, стр. 38, 40.

щественно арабский и персидский языки. Первый же научный труд Бётлингга — двухтомное издание индийской грамматики Панини с научными комментариями — сразу поставил ученого в ряд лучших санскритологов того времени. Его монография по санскритской акцентологии явилась одной из первых работ, положивших начало современному учению об ударении в индоевропейских языках. В 1842 г. Академия наук избрала О. Н. Бётлингга своим адъюнктом по кафедре санскрита, в 1845 г. — экстраординарным академиком, в 1855 г. — ordinарным академиком.

Этому ученому с богатейшей языковедческой эрудицией и тонкой лингвистической наблюдательностью в 1845 г. акад. А. Ф. Миддендорф предложил для обработки собранные во время собственных экспедиций материалы по якутскому языку, который до тех пор в сфере научного изучения вовлечен не был. Так родился фундаментальный труд по якутскому языку⁴, в котором, по словам А. Потта, впервые к изучению тюркских языков был применен сравнительный метод, выработанный индоевропейцами⁵, и который О. Н. Бётлингк «совершенно справедливо сам считал... одним из лучших, и, может быть, даже самым лучшим из своих научных исследований»⁶, хотя главным трудом жизни ученого признается его большой санскритский словарь.

Основополагающая важность труда О. Н. Бётлингга «Über die Sprache der Jakuten» для якутского языкознания⁷, более того — для якутского национального самосознания подчеркивается во «Вступительном слове» Е. И. Коркиной (стр. 4—6).

Создание этой работы рассматривается в статье Е. И. Убрятовой «Труду О. Н. Бётлингга „Über die Sprache der Jakuten“ 120 лет!» (стр. 7—44), написанной в лучших традициях истории лингвистической мысли⁸. Статья Е. И. Убрятовой, наи-

более обстоятельная и фундаментальная, по существу вобрала в себя основные линии, по которым строятся остальные статьи сборника, непосредственно относящиеся к истории тюркологии и освещающие научно-исследовательскую деятельность ученого, рассказывающие о помощи Бётлингку в практическом овладении якутским языком, оказанной ему тонким знатоком этого языка А. Я. Уваровским. Это статьи Н. А. Габышева «Об авторе якутского текста в труде О. Бётлингга» (стр. 45—58), П. А. Слещова «Заметки о языке „Воспоминаний“ А. Я. Уваровского» (стр. 186—206), Н. С. Григорьева «Якутский язык и О. Н. Бётлингк» (стр. 207—210), Н. И. Широковой «Бётлингк и Банзаров» (стр. 233—235).

Согласившись принять на себя труд по обработке якутских материалов Миддендорфа, Бётлингк воспользовался пребыванием в Петербурге уроженца Якутии А. Я. Уваровского — русского, для которого якутский был по существу вторым родным языком. С помощью этого информанта, который глубоко понимал стоящие перед ним задачи, для ученого зазвучали якутские материалы. Не менее важно и то, что Уваровским были написаны тексты на якутском языке, которые при недостаточности и фрагментарности языковых материалов А. Ф. Миддендорфа явились основой проводившегося исследования (эти тексты, оснащенные немецким переводом, составили первый выпуск книги «Über die Sprache der Jakuten»).

Современные якутологи, высоко оценивая, вслед за О. Н. Бётлинггом, роль А. Я. Уваровского в создании первой научной грамматики якутского языка, согласно отмечают безукоризненность его текстов во многих отношениях и прежде всего — в литературном, благодаря чему «...современные якутские литературоведы нередко с них начинают историю якутской художественной литературы» (Е. И. Убрятова, стр. 19; см. также П. А. Слещов, стр. 187; Н. С. Григорьев, стр. 209). «Воспоминания» Уваровского признаются «замечательно правдивым произведением о Якутии своего времени» (Н. А. Габышев, стр. 56), а краткий пересказ им олонхо выполнен «в чисто якутском эпическом стиле» (Н. В. Емельянов, «О сюжете олонхо А. Я. Уваровского „Эр Соготох“», стр. 228). Даже то, что прежде принимали за языковые «ошибки» О. Н. Бётлингга, в свете показаний современной якутской диалектологии расценивается как «драгоценные свидетельства о языке северных якутов середины XIX в.», диалектные особенности языка которых отразил

⁴ Отметим, что книга Бётлингга (до фотомеханического воспроизведения ее в 1964 г. в Гааге) была известна как III том естественно-исторического описания Сибири А. Ф. Миддендорфа, наиболее полного для своего времени: «Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch» von O. Böhlingk. Abdruck des III. Bd. von A. Th. v. Midden-dorf's «Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens», St.-Ph., 1851.

⁵ См. рецензию А. Потта на эту книгу (ZDMG, 8, 1854, стр. 196 и сл.).

⁶ С. К. Булич, указ. соч., стр. 6.

⁷ См. также более подробно: Е. И. Коркина, Работа О. Н. Бётлингга «О языке якутов», «Советская тюркология», 1971, 4.

⁸ Вниманию Е. И. Убрятовой и прежде привлекала названная книга, правда, в более специальном аспекте: на V Тюрко-

логической конференции в Ленинграде ею было сделано сообщение «Синтаксис сложноподчиненного предложения в труде О. Н. Бётлингга „О языке якутов“» (см.: «Советская тюркология», 1971, 4, стр. 134).

Уваровский в своем произношении и написании (Е. И. Убрятова, стр. 18; при этом отмечаются и недостатки работы с одним информантом).

Труд О. Н. Бётлингга рассматривается на фоне всей предшествующей (весьма небогатой) истории изучения якутского языка; при этом автор статьи вносит важные уточнения в существующие сведения (см., например, стр. 15 — о составленном Дм. Давыдовым списке якутских слов).

Обращаясь к установке ученого-компаративиста провести впервые последовательное сопоставление якутского языка с урало-алтайскими, Е. И. Убрятова анализирует привлекавшийся в книге материал остальных тюркских языков, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других. Критикуя урало-алтаистические сопоставления за разрозненность используемого в них материала по различным языкам, О. Н. Бётлингк призывает, прежде всего, «... тщательно и со всех сторон исследовать каждый член каждой фамилии по одиночке и потом через сравнение всех членов перейти к определению первобытных форм, корней и грамматических окончаний еще не разделившейся фамилии» (цит. по ст. Е. И. Убрятовой, стр. 29).

Обширное «Введение» к «*Jakutische Grammatik*» до сих пор не утратило самостоятельного теоретического значения и согласно оценивается лингвистами «как превосходный общеграмматический этюд»⁹, в котором наряду с другими разрабатываются две важные темы — «различия между флексией и агглютинацией» и «морфологические и логические признаки якутского языка»¹⁰. На ряде конкретных примеров О. Бётлингк показывал несостоятельность утверждений о том, что «в агглютинативных языках материя (основа) и форма (аффикс) будто бы соединены механически и формы якобы легко сопоставляются с самостоятельными словами» (стр. 28). Анализируя далее общелингвистические взгляды О. Н. Бётлингга, Е. И. Убрятова разбирает воззрения ученого на морфологическую классификацию языков и особо отмечает его критическое отношение к самим принципам и критериям ее: он считал «... способ соединения материи и формы даже слишком внешним признаком, чтобы на нем одном основывать классификацию языков» (цит. по ст. Е. И. Убрятовой, стр. 28). Е. И. Убрятова подчеркивает, что, ставя под сомнение принципиальное различие между языками флективными и агглютинативными, ученый уже тогда отмечал случаи агглютинации в первых и флексии во вторых; ему принадлежит предположение о том, что в древнем состоянии у индоевропейских языков было

еще больше черт, сближающих их с языками агглютинативными (стр. 28, 29).

Творчески раскрывая содержание каждой из частей Грамматики О. Н. Бётлингга, Е. И. Убрятова показывает, что далеко не все, сделанное ученым, учитывается и используется отечественными тюркологами. Наиболее влиятельным труд О. Н. Бётлингга оказался, естественно, для якутского языкознания, а также для зарубежной тюркологии. Всякий раз отмечая в Грамматике то, что в ней объективно устарело или не соответствует современной стандартизованной якутской норме, Е. И. Убрятова обращает на это внимание зарубежных ученых, до сих пор целиком полагающихся на материалы Бётлингга при описании современного якутского языка и в силу этого допускающих неточности (например, в передаче долготы гласных, стр. 33—34).

В статье Е. И. Коркиной «Об одном из ранних переводов „Якутской грамматики“ О. Н. Бётлингга на русский язык» (стр. 218—227) всесторонне анализируется попытка уроженца Якутии Н. Е. Чаплова, владевшего якутским языком и пользовавшегося консультациями лиц, в совершенстве знающих язык, составить на основе труда О. Н. Бётлингга «общедоступную грамматику якутского языка» (стр. 218).

Другая, большая часть статей рецензируемого сборника представляет собой дальнейшую разработку проблематики, затронутой в свое время О. Н. Бётлингком (часто — впервые) в его «*Jakutische Grammatik*».

Н. П. Петров в статье «О. Н. Бётлингк и чувашский алфавит» (стр. 59—69) отмечает, что «современные алфавиты многих тюркских и финно-угорских языков прямо или косвенно связаны с якутским алфавитом акад. О. Н. Бётлингга» (стр. 59), и прослеживает влияние этого алфавита¹¹ на чувашский, изучая историю усовершенствования последнего с XVIII в. до наших дней.

Впервые место словесного ударения в якутском научно определено О. Н. Бётлингком. И. Е. Алексеев («О. Н. Бётлингк и изучение словесного ударения в якутском языке», стр. 70—101) экспериментальными методами исследовал основные фонетические характеристики якутского словесного ударения и установил, что в двухсложных словах ударение музыкальное, а в многосложных — музыкально-долготное (тонико-квантитативное).

Якутские долгие гласные и дифтонги также были впервые обнаружены и опи-

⁹ С. К. Булич, указ. соч., стр. 6.

¹⁰ А. Ротт, указ. соч., стр. 196.

¹¹ Как известно, более чем через двадцать лет ученый вновь обратился к изучению якутских материалов, см.: O. B ö h l i n g k, Zur Orthographie im Jakuten, «Mélanges Asiatiques», VII (1873—1876), 1876, стр. 761 и сл.

саны О. Н. Бётлингком. П. П. Барашков в статье «О происхождении якутских долгих гласных и дифтонгов» (стр. 102—114) трактует этот вопрос в аспекте несоответствия конечных согласных древнетюркского языка конечным согласным якутского языка по их акустическому свойству (стр. 111).

И. П. Винокуров («О. Н. Бётлингк о замене падежей в якутском языке», стр. 115—125) отмечает, что ученый, уделявший внимание синтаксическим функциям падежей, не проследил условий их синонимичности. Синонимичность падежей автор усматривает там, где С. Н. Иванов видит более сложные отношения, например: осн. падеж — коррелят вин. падежа¹², поскольку «... обоим этим падежам свойственна функция прямого дополнения» — «отвлеченно-предметного, предметно-качественного» (осн. падеж) или «конкретно-предметного» (вин. падеж)¹³. Имя существительное, являясь прямым дополнением, по уточнению В. Г. Гузева и Д. М. Насилова, «выступая в отвлеченно-предметном, предметно-качественном значении, функционирует вне категорий числа и определенности — неопределенности» — обе эти категории признаются релевантными только «в зоне конкретно-предметных значений»¹⁴.

Между тем И. П. Винокуров в своих попытках выявить «конкретные различия» между этими падежами тяготеет к традиционной точке зрения («... вин. падеж выражает определенность предмета, а неопределенный [геср. основной. — Г. Б.] падеж — неопределенность предмета», стр. 116), восходящей к О. Н. Бётлингку, хотя и замечает сам, что противопоставление вин. и неопр. падежей по признаку определенности — неопределенности в якутском языке «не имеет всеобъемлющего характера» (стр. 117). Автор не объясняет констатируемой им известной «свободы в выборе конструкции с вин. или неопр. падежом» и делает вывод, которым фактически замыкается круг его рассуждений: «Строгое разграничение этих значений (определенности — неопределенности. — Г. Б.) исключило бы возможность синонимичного употребления названных падежей в данной функции, чего мы не наблюдаем» (стр. 117).

¹² См.: С. Н. И в а н о в, К истолкованию многозначности грамматических форм, ВЯ, 1973, 6, стр. 107 и сл.

¹³ С. Н. И в а н о в, Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк, Ташкент, 1969, стр. 62, 63.

¹⁴ В. Г. Г у з е в, Д. М. Н а с и л о в Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности — неопределенности, «Советская тюркология», 1971, 5, стр. 24.

Н. Е. Петров («О. Н. Бётлингк о служебных словах в якутском языке», стр. 126—143)¹⁵ предлагает новое объяснение происхождения отдельных якутских послелогов. Спорным представляется стремление автора истолковать расхождения в трактовке послелогов Бётлингком («... в якутском языке почти нет настоящих послелогов, ... вместо них выступают имена в определенной падежной форме и различные деепричастия») и современным якутским языковедением за счет лишь исторического развития соответствующей категории в истекшие 120 лет (стр. 133).

С лексикографической работой О. Н. Бётлингка, представленной в его «Jakutisch-deutsches Wörterbuch» связаны статьи Н. К. Антонова «О якутских основах неизвестного происхождения» (стр. 143—166), В. И. Рассадина «Бурятские в якутском языке» (стр. 167—179), И. Е. Иванова «Топонимы Якутии в труде О. Н. Бётлингка „О языке якутов“» (стр. 211—217) и А. К. Сивцева «Об этнонимах саха, якут и нучча» (стр. 180—185, делается попытка пересмотреть существующую этимологию самоназвания якутов саха в связи с эвенк. саха «смуглый»¹⁶).

В. И. Рассадин, выделяя в якутском языке элементы, соотносимые с бурятскими и не имеющие аналогий в других тюркских языках, намечает некоторые «типологически общие модификации исконных праязучков в обоих языках»; он предполагает при этом, что «своеобразным толчком в развитии фонетических систем обоих языков, приведшим к одинаковым результатам», мог послужить некий «общий субстрат» (стр. 178).

Н. К. Антонов извлеч из «Jakutisch-deutsches Wörterbuch» 810 якутских имен-

¹⁵ См. также: Н. Е. П е т р о в, О. Н. Бётлингк и некоторые вопросы изучения служебных слов в тюркских языках, «Советская тюркология», 1972, 4.

¹⁶ Иные взгляды на этимологию этнонима см. в статьях Е. И. Убратовой (стр. 23—24) и И. Е. Иванова (стр. 214). Здоровый дух дискуссии в рецензируемом сборнике сказался также в том, что его участники выражают диаметрально противоположные мнения и в таком кардинальном для якутского языковедения вопросе, как происхождение якутского языка (ср.: П. П. Барашков, стр. 113, и Н. К. Антонов, стр. 166). Здесь можно пожалеть только об отсутствии необходимых при этом перекрестных отсылок. В этом, как и в ряде других моментов (особенно — в довольно частных стилистических и прочих погрешностях, среди которых весьма досадны ошибки в иноязычных примерах: **түгилчанимча* вместо узб. *тўғилганимча*, стр. 123, см. также стр. 225 и др.), проявилась недостаточность общей редакторской, а отчасти — и корректорской работы.

ных основ, которые, по его сведениям, не имеют иноязычных параллелей, и сгруппировал их по признакам количества слогов, употребительности, по значению (стр. 144, 145). Представляется, что к перечисленным целесообразно было бы добавить еще один признак — формальный. По нашим наблюдениям, к рядом слов из числа рассматриваемых вполне может быть применен компонентный анализ и как его разновидность — формантный анализ — уже на том основании, что слова, оканчивающиеся на определенные комплексы звуков, здесь далеко не единичны. Кстати, именно посредством выделения повторяющихся конечных комплексов пытался объяснить происхождение многих слов О. Н. Бётлингк. Вполне вероятно, что при подобном подходе удалось бы вычленил из некоторых «основ неизвестного происхождения» якутские или иноязычные словообразовательные аффиксы (на первый взгляд, таковыми кажутся *-ды/-ду*, *-лык/-нык/-нык*; *-бай/-хай*, *-гэй/-кэй*, *-бой/-хой*, *-гыр/-гир*, *-гыл/-кыл*; *-ис/-ыс* и проч.) и «обнажить» заимствованный корень [ср., например, на стр. 157: *кэн-ис* «обжора» — *кэн-сэ* «имеющий склонность охотню брать от других, но своего не давать» (сюда же *кэн-тэх* «ненасытный, жадный?»). Или на стр. 161: *уоһуһа* «заливчик в реке» и *уоһаһай* «промоина, через которую ручушка впадет в реку»].

При осуществляемом автором подходе далеко не все его выводы кажутся убедительными. В частности, вряд ли можно согласиться с тем, что «основы без иноязычных параллелей особенно многочисленны в группах основ отвлеченных понятий (? — Г. Б.) и прилагательных (всего 371), которые не могут относиться к

ядру основного словарного фонда якутского языка» (? — Г. Б.) (стр. 166). Не говоря уже о том, что в этой формулировке многое вызывает вопросы и сомнения, беспокоит также известная субъективность в отнесении многих слов к группе выражающих отвлеченные понятия. Сюда зачислены и такие слова, как, например, *далбар* «большой берестяной кумысный сосуд...», *кирчим* «весеннее голодное время» (стр. 149), *нөөкурук* «тюк, пучок» (стр. 156), нумеративы *удьурба*, *учурба* «пук, связка (табаку)» (стр. 164), *боһомо* «штука (голова) крупного скота», а также *бэристэк* «продажа мяса или масла... фунтами» (стр. 163). При более строгом семантическом членении слов, отнесенных автором к группе абстрактной лексики, эти подсчеты могут его подвести. Изменению количественных соотношений между выделенными группами слов, видимо, будет способствовать более полное использование имеющихся словарей и лексикологических исследований. Так, якут. *умна* «милостыня, подаяние» (стр. 150) Е. И. Убрытова связывает с др.-тюрк. *umdu* «желание, надежда»¹⁷, объясняя изменения в звуковом составе слова с позиций якутской фонетики: назализация *-d* — *umdu* > **umli*, переход конечного узкого гласного в широкий — **umli* > *umla*.

Рецензируемый сборник окажется весьма полезным для специалистов-тюркологов и найдет своего читателя в кругах всех тех, кому дорога история отечественного языкознания.

Г. Ф. Благова

¹⁷ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 611.

«Тюркологический сборник. 1972». — М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973. 412 стр.

Рецензируемый сборник примыкает к циклу одноименных продолжающихся изданий, публикация которых началась более двадцатилетия назад¹. Все они увидели свет благодаря настойчивому труду сплоченного коллектива тюркологов, объединившихся вокруг Ленинградского отделения Института востоковедения

АН СССР и Восточного факультета ЛГУ, во главе с неперменным инициатором и ответственным редактором названных сборников чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононовым.

Сборники 1970, 1971 и 1972 гг. содержат преимущественно материалы Всесоюзных тюркологических конференций 1967—1969 гг., проходивших в Ленинграде и снискавших заслуженную популярность среди специалистов.

Как и большинство предыдущих выпусков, связанных с именами выдающихся отечественных тюркологов, рецензируемый сборник посвящается памяти первого русского востоковеда-лингвиста Платона Михайловича Мелиоранского (1868—1906). Столетие со дня рождения ученого было отмечено рядом докладов на III Тюркологической конференции в Ле-

¹ См.: «Тюркологический сборник», т. I, М.—Л., 1951 (был посвящен С. Е. Малову к 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности); «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1963; «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970; «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972 (посвящен памяти В. В. Радлова); см. также: «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963.